DOI 10.15826/koinon.2022.03.1.008

УДК 94(430)«1933/1045» + 2-284 + 2-58 + 27-175.75 + 141.8

К ОРИГИНАЛЬНОЙ ИСТОРИИ ТРЕТЬЕГО РЕЙХА*

Э. Блох

Аннотация: В статье Э. Блоха ставится вопрос о том, как присваивается интеллектуальное наследие далекого прошлого современными политическими движениями. Он обращает внимание на актуализацию древних народных мечтаний в начале XX века. Конкретно он рассматривает рецепцию средневековых религиозных учений массовым сознанием немцев в период зарождения нацизма в Германии 1920-х — 1930-х годов. Способ, которым внедрялись такие концепты средневекового сознания, как «вождь» и «третий рейх» в сознание современников, Блох квалифицирует как «обман», как искажение их первоначального смысла, превращение значений в противоположные. Философ показывает, что термин «Третий рейх» имеет давнюю историю, подлинно революционную, так как в оригинале «Третий рейх» обозначал социально-революционную идеальную мечту христианского еретичества: мечту о Третьем Евангелии и соответствующем ему мире. Блох рассматривает влияние хилиазма на многие исторические революционные движения. Современный социализм, по Блоху, является попыткой воплощения мечты средневековых народных масс, но без мистической окраски. В статье подробно прослеживается эволюция концепта «освободителя угнетенных», «вождя» с самых древних времен, анализируются книжные тексты и устные легенды. Подчеркивается постоянный мотив «воскресшего» или «проснувшегося» кайзера-освободителя и его укорененность в массовом сознании. Делается вывод о том, как помогало нацистам использование этого образа в установлении их популярности. Особое внимание уделяется жизни и идеям аббата Иоахима Флорского (XII век) как знаковой фигуре социально-хилиастического поворота. Флорский интересует Блоха в связи с другим важным мотивом Средневековья, актуализированным нацизмом: «посюсторонним Евангелием». Блох анализирует предшественников учения Флорского — Эриугену и сен-викторианцев — и доказывает, что в трактовке Флорского мистическое движение души по ступеням было спроецировано на весь процесс движения человечества, его историю. Он «поставил землю под строгие христианские требования», которые должны быть реализованы в последней, третьей стадии. Далее Блох прослеживает развитие идеи троичности стадий

* Bloch E. Zur Originalgeschichte des Dritten Reichs // Bloch E. Werkausgabe : in 16 Bdn. Bd. 4 : Erbschaft dieser Zeit. Frankfurt am Main : Suhrkamp Verlag, 1985. S. 126–152. Перевод печатается с разрешения издательства Suhrkamp Verlag (ФРГ).

исторического движения от ветхозаветных эсхатологических мотивов, Августина, через немецкое Просвещение и романтизм вплоть до современности (Достоевский, Ибсен и другие). В заключение Блох делает выводы, что «пренебрежение старыми путями и формами не остается безнаказанным». Основной итог исследования трактуется как указание на то, что старые формы массовых мечтаний могут быть использованы современными политическими силами совершенно с различными целями и эффектами.

Ключевые слова: Третий рейх, Иоахим Флорский, спаситель, хилиазм, мистицизм, социализм.

Для цитирования: Блох Э. К оригинальной истории Третьего рейха / пер. с нем. С. Е. Вершинина // Koinon. 2022. Т. 3. № 1. С. 94–118. DOI: 10.15826/koinon.2022.03.1.008

TO THE ORIGINAL HISTORY OF THE THIRD REICH*

E. Bloch

Abstract: The article by E. Bloch raises the question of how the intellectual heritage of the distant past is appropriated by modern political movements. The author draws attention to the actualization of ancient folk dreams at the beginning of the twentieth century. He focuses on the reception of medieval religious teachings by the mass consciousness of Germans during the period of the birth of Nazism in Germany in the 1920s — 1930s. The way in which the concepts of medieval consciousness „leader“ and „Third Reich“ were introduced into the consciousness of contemporaries, Bloch qualifies as „deception“, distortion of their original meaning, transformation of meanings into opposite ones. The philosopher shows that the term „Third Reich“ has a long, truly revolutionary history, since in the original the Third Reich denoted the socio-revolutionary ideal dream of Christian heresy: the dream of the Third Gospel and the world corresponding to it. Bloch examines the influence of chiliasm on many historical revolutionary movements. Modern socialism, according to Bloch, is an attempt to realize the dreams of the medieval masses without mystical coloring. Then, the article traces in detail the evolution of the concept of „liberator of the oppressed“, „leader“ from the most ancient times; it also analyzes book texts and oral legends. The author emphasizes the constant motif of the „resurrected“ or „awakened“ Kaiser-liberator and his place in the mass consciousness. The conclusion is made about how the use of this image helped the Nazis in establishing their popularity. The article pays special

* Bloch, E. (1985), „Zur Originalgeschichte des Dritten Reichs“, in Bloch, E., *Werkausgabe, in 16 Bdn., Bd. 4, Erbschaft dieser Zeit*, Suhrkamp Verlag, Frankfurt am Main, S. 126–152. The translation is printed with the permission of the publisher Suhrkamp Verlag (West Germany).

attention to the life and ideas of Abbot Joachim Florsky (XII century) as an iconic figure of the socio-chilastic turn. Bloch is interested in Florsky in connection with another important motif of the Middle Ages, which was actualized by Nazism: „this world’s Gospel“. Bloch analyzes the predecessors of Florsky’s teaching — Eriugen and the Saint Victorians. He proves that in Florsky’s interpretation, the mystical movement of the soul along the steps was projected onto the entire process of the movement of humanity, its history. He „put the earth under strict Christian requirements“, which should be implemented in the last, third stage. Further, Bloch traces the development of the idea of the trinity of stages of the historical movement from the Old Testament eschatological motives, Augustine, through the German Enlightenment and Romanticism up to the present (Fyodor Dostoevsky, Henrik Ibsen and others). Bloch concludes that „the neglect of the old ways and forms does not go unpunished“. The main result of the study can be understood as an indication that the old forms of mass dreams can be used by modern political forces with completely different goals and effects.

Keywords: the Third Reich, Joachim Florsky, savior, chiliasm, mysticism, socialism.

For citation: Bloch, E. (2022), “To the original history of the Third Reich”, translated by Vershinin, S. E., *Koinon*, vol. 3, no. 1, pp. 94–118 (in Russian). DOI: 10.15826/koinon.2022.03.1.008

Ничто не должно смутить или сделать слепым взгляд. В дальнейшем речь пойдет о многом Старом и Особенном. Оно украдено и еще как, однако надо смотреть не только на пальцы жулика, но и на то, что он ими держит. Он украл это, когда запачканное им дело еще было в хороших руках. Поэтому ничто не освобождает от исследования понятий, которые нацисты применяли с целью обмана... Так всплывают слова «фюрер», «рейх», но если идти к их первоначальному, исконному смыслу, то они всплывают в другом свете, заставляющем задуматься, по сравнению с тем, к чему уже привыкли. Чем более свеж по большей части материал, тем более тухлым он является и должен стать — из-за того, что сделали с ним слепота и преступление. Немного мечтательная сущность дела уже была довольно часто беззащитна перед этим злоупотреблением. Однако и Прекрасное и Благородное просвечивает сквозь эти прошедшие, но не забытые дни и важно вспомнить об этом.

Нацист даже не придумал песню, с помощью которой он обольщает, ни порох, с помощью которого он пускает фейерверки, ни фирму, под именем которой он обманывает. Как раз термин «Третий рейх» имеет давнюю историю, подлинно революционную. Нацист был, так сказать творческим только в утаивании той цены, за которую он превратил революционные лозунги в их противоположность. Цены, за которую он использовал темный глянец старых слов и нанес патину на революцию, которую он якобы сделал. Таким старым

словом является Третий рейх, слово, полноразличное благодаря числу 3 («как в сказках»), полноразличное благодаря третьему коронованию Германии (после средневекового и бисмарковского рейха). Чтобы революционная окраска не выглядела слишком бледной, Мёллер ван ден Брук¹, открыватель заново этого термина, добавил мистические размышления из совсем других «рейхов».

Ибо в оригинале Третий рейх обозначал *социально-революционную идеальную мечту христианского еретичества* — мечту о Третьем Евангелии и соответствующем ему мире. Классовые бои в раннем Средневековье нашли свое первое выражение в ненависти к обмирщению церкви. Чем больше ухудшалось положение крестьян и мелких горожан (*kleine Stadtbuerger*), тем больший успех имели местные курфюрсты и купеческий капитал, а чисто феодальный, построенный на устаревших способах хозяйствования рейх распался, и тем сильнее должно было стать пророчество новой, «евангелической» эпохи: у Мюнцера это крестьянско-пролетарско-мелкобуржуазный боевой клич против усилившегося угнетения, у Лютера это идеология князей против центральной власти и церкви. В тумане еретичества встречались противоположные интересы, но все же у левых они густо окутывались облаками и столбом святого огня, который был в импульсе и идеале революционного дела.

Содержание сегодняшнего социализма, предназначенного для осуществления, больше не является теологическим, с классовой позиции даже не одетым в теологические одежды прошлого... Социализм уважает мечты своей юности, их внешнее обличье он отвергает, но их обещания выполняет. Германия еще прислушивается, как выяснилось, к старым мечтам о Спасителе и Рейхе, даже если они преподносятся обманщиками. Она прислушивается, обманываясь тем больше, чем больше социалистическая пропаганда была холодной, школьной, только экономической. Два блестящих мотива с двенадцатого по шестнадцатое столетие возбуждали революционное сознание: мотив Спасителя и мотив Третьего в конечном счете тысячелетнего рейха, к которому ведет Спаситель-освободитель, часто понимавшийся как «Народный кайзер» (*Volkskaiser*).

Будущий освободитель

Бедняки помогают себе медленно и с опозданием. Желание иметь *вождя* (*Fuehrer*), должно быть, самое древнее. Оно есть в отношении между ребенком и отцом, в поисках молодых людей, если отец был простаком. У групповых

¹ Артур Мёллер ван ден Брук (*Arthur Moeller van den Bruck*, 1876–1925) — немецкий историк культуры и писатель, прославился своей скандальной книгой 1923 года «Третий рейх», которая пропагандировала немецкий национализм и оказала сильное влияние на движение консервативной революции, а затем и на немецкую нацистскую партию. Был известен как переводчик Мопассана, Эдгара По и, что существенно в данном случае, 22-томного собрания сочинений Ф. М. Достоевского на немецкий язык. — *Прим. пер.*

животных самый сильный самец находится во главе. Народы, занимающиеся охотой, еще не знающие разделения труда, выбирают себе главу. Первая картина вождя в большом человеческом смысле — это Моисей; он вождь угнетенных и к тому же ведущий в страну обетованную. Однако даже и в совсем других отношениях взгляды устремлялись вперед и вверх, часто приукрашая того, кто находился на вершине. Уже Александр — властитель всего собранного им мира — должен был быть Спасителем. Наконец, Август чествовался как совершенный кайзер мира, как предсказанный сивиллами восстановитель золотого века. Известно место у Вергилия, в четвертой эклоге, о волшебном мальчике, который вскоре появится и после всей государственно-социальной путаницы вернет счастье изначального времени. Анаис² подыгрывала Августу в роли Спасителя; позже эта роль была перенесена на Траяна, Антонина и других «хороших кайзеров».

Социальные ожидания блуждающих безземельных масс позднего Рима и желание верхнего слоя непо потревоженного покоя при всем том трудно различимы. Вообще говоря, и ожидание спасающего чудесного мальчика очень старо и очень рано вошло в династические мечты о спасении; оно очаровывало своим трогательным, смиренным, так сказать, общечеловеческим видом. Египет Среднего царства сначала возвеличивал восточное предсказание короля-спасителя вокруг образа малости, яслей, вокруг идеи божественно-чудесного рождения ребенка Хоруса, приносящего благословение [Norden 1924, S. 73]. Это была та же самая легенда, впоследствии перенесенная на Иисуса, но на этот раз с отчетливо пролетарским и совершенно не патрицианским ожиданием спасения; образ Христа, которого рабы должны были придерживаться, оформился только в римской имперской церкви, несмотря на намеки в Нагорной проповеди. Спаситель Иисус должен был избавлять только внутри (Innerlichkeit), как Параклет³, и воздвигнуть свое видимое Царство (Reich) только в конце дней. Так сохранялись земная нищета и действительный беспорядок, так — как само собой очевидное — продлевалось ожидание спасения земного рода, перспектива не далекого Параклета, а близкого живого спасителя, как его призывал Вергилий — и сказание сивиллы о кайзере продолжалось в Византии. Чем более разложившимся было внутреннее положение (долги народа, дворцовые перевороты), чем более угрожающим было внешнее положение

² Анаис — женское имя, происходящее от имени древнеперсидской богини плодородия и любви Анаиты. — *Прим. пер.*

³ Параклет — (*др.-греч. παράκλητος* — в древнегреческом варианте «защитник», «заступник»; в новозаветном греческом в знач. «утешитель») — человек, которого призывают на помощь, для утешения. Терминологически слово стало употребляться сначала в Новом Завете, а затем получило распространение в христианском богословии, в византийской и средневековой латинской гимнографии. — *Прим. пер.*

(арабы, болгары, турки), тем более впечатляюще действовали нарисованные перспективы земного Евангелия, наряду с небесным.

Подобная утешительная книга возникла в конце VII столетия в пророчествах Мефодия⁴, к тому же здесь сказание о кайзере приобрело примечательный вид. Ибо первый раз в него вмешался мотив мертвых, и Мефодий пророчествовал: великий кайзер восстанет, «просыпаясь, как человек, ото сна, а люди видели его как труп». Вероятно, при этом имелся в виду Александр, появившийся как внук короля Эфиопии, чтобы воскреснуть в Эфиопии; перед близко ожидаемым концом света он снова возвратится как кайзер греков и римлян во власти и величии. Старый мотив умирающего и весной возрождающегося бога растительности, который был адаптирован уже к смерти Иисуса, Страстной пятнице, Вознесению, выглядит здесь секуляризированным и будет использован в этом мире еще раз.

Этот поворот сильно повлиял на позднюю легенду Кифхойзера, но, наряду с этим, Византия послала другой, полностью магический мотив в немецкую фантазию. Он содержится в легенде о так называемом царе-священнике Иоанне, а Индия — это место действия, волшебная страна с райскими садами, камнями чудес, гадающими деревьями и многим другим. В самой глубине Индии живет исчезнувший царь (Priesterkoenig) (то Даниил, то Иоанн Креститель, евангелист и вестник апокалипсиса в одном лице), десять потерянных племен Израиля рядом с ним и ждут своего часа, он владеет чудодейственными камнями, делающими его невидимым, наделяющими его сверхприродными силами. Несомненно, здесь звучит мотив йоги или Махатмы; новое в этой легенде то, что эти магические, исчезнувшие из мира силы должны быть поставлены на службу христианскому праву. Немецкие крестьяне впоследствии предполагали, что Иоанн-креститель как спаситель с Востока, находится в армии турок — как самый тайный наместник Христа, как царь-мессия вне своих владений.

В историческом плане, касаясь действительно существующих или живших раньше людей, обнаруживается мечта о вожде, ставшая снова династической легенда *Средневековья о кайзере*, французское сказание о Карле Великом, немецкое о Фридрихе II и его возвращении. Вспоминается византийское пророчество Мефодия (оно циркулировало в многочисленных копиях) и его примечательный мотив трупа. Именно этот мотив напрашивался, когда умер демонический Штауфен⁵: этот рационалистически-империалистический избретатель выражения о «трех обманщиках» (Моисее, Мухаммеде, Иисусе), Антихрист, на которого именно из-за этого было направлено так много

⁴ Мефодий Патарский (ок. 260–312) — христианский богослов, автор толкований Священного Писания. Сочинения Мефодия включены в 18-й том *Patrologia Graeca*. Он почитается в лике священномученика, в том числе в православной церкви. — *Прим. пер.*

⁵ Гогенштауфены, или Штауфены — династия южногерманских королей и императоров Священной Римской империи, угасшая в мужском поколении в 1268 году. — *Прим. пер.*

апокалиптических размышлений. Фридрих II не мог и не должен был оставаться мертвым, его дело еще не было сделано, его знак не был осуществлен и — согласно пророчеству тогдашнего пророка Мефодия — только под его именем это выполнимо.

Подобный новый, но гораздо более значимый, Мефодий был незадолго до Фридриха — это аббат Иоахим Флорский⁶: его школа, как и другие распространённые пророчества, видели в кайзере знак социально-хилиастического поворота. Для возбужденной фантазии кайзер не должен был оставаться мертвым, он не вознесся на небо, точно так же не попал в ад, вообще ни в какое (трансцендентное) место, из которого нельзя вернуться. Напротив, легенда переносила кайзера в гору, сначала в Этну (возможно, здесь всплыли сицилийские воспоминания о легенде Эмпедокла⁷), затем в направлении на Север, в гору Кифхойзер. Хтонические картины соединились вокруг этой своеобразной могилы: на Кифхойзере в дохристианское время был культ горы, и бог горы был подземным богом, жившим в пещерах посреди таинственных сокровищ. Фридрих II встал на его место, и много позже этот кайзер-еретик поменялся местами с Фридрихом I Барбароссой⁸, благочестивым, незначительным, романтическим воплощением банального имперского величия в стиле Вильгельма «Великого»⁹ (которому сейчас там поставлен памятник). Между тем переделанная легенда сохранила свои социально-хилиастические черты в том, что кайзер показывается только простым людям из народа. Но точно так же с ними связан старый мотив, что кайзер-мессия, когда он усмиряет власть социальной нужды и нужды в вере, он усмиряет сам себя, отрекается, идет на Голгофу и там слагает с себя корону, скипетр и меч [Kampers 1896, S. 104]. Подобно Фридриху II, в подземелье грезит также и кайзер Карл; там, где дело предполагаемого Спасителя не сделано или кажется не доведенным до конца, народная вера сделала из мертвого Спасителя просто исчезнувшего соню¹⁰, ждущего своего дня.

⁶ Иоахим Флорский (*итал.* Gioacchino da Fiore; ок. 1132–1202) — итальянский богослов, аббат монашеского ордена цистерцианцев, основатель Флорского монастыря (1191) и нового монашеского ордена (флоренсы, 1196); вдохновитель влиятельного религиозного движения иоахимитов. Считается родоначальником средневекового хилиазма. Блаженный Римско-католической церкви. — *Прим. пер.*

⁷ Видимо, имеется в виду самоубийство Эмпедокла, желавшего бессмертия и бросившегося в вулкан Этны. — *Прим. пер.*

⁸ О значимости обоих Фридрихов в средневековом массовом сознании немецкого населения см.: [Шерр 2005]. — *Прим. пер.*

⁹ Перед «башней Барбароссы» на этой горе установлена бронзовая конная статуя императора Вильгельма I (1797–1888). — *Прим. пер.*

¹⁰ В тексте: Siebenschlaefer — соня-полчок, грызун семейства соневых, спящий 7–8 месяцев в году и роющий себе для спячки подземные туннели. — *Прим. пер.*

Мотив разочарования сегодня столь мало погашен, что никакая жизненная сила, прибегающая к фантазии, не верит в его смерть. Содержание старого прощества сивиллы «*Vivit, non vivit*»¹¹ все время оживает в фольклоре по-новому. Даже смерть таких современных фигур, как Наполеон или Людвиг II, ненасытная народная молва не хочет воспринимать всерьез: Наполеон, согласно молве, продолжал жить под маской турецкого генерала и после 1822 года, а затем исключительно успешно разгромил англичан.

О Людвиге II баварская крестьянская легенда утверждала, что он бежал в Америку и возвратится с прекрасной женой назад, когда его крестьянскому народу будет совсем плохо. Мотив спящего героя у Наполеона был заменен умной уловкой мнимой смерти и бегства, Кифхойзер стал Святой Еленой (как раньше, с большим основанием, Эльбой¹²), но пафос возвращения не отсутствовал и в случае с Людвигом II, пафос спасителя, превратившегося в куколку.

Все это показывает, как чрезвычайно цепко укоренен прообраз спасителя, реприза прошлых блестящих гешталтов, по меньшей мере реприза прошедших блестящих времен через нового реставратора. Здесь и те спешные послания короля, которые появляются в «Трехгрошовой опере»¹³ в последний момент, и все разворачивается в другую сторону; но тем самым они не только высмеивают дешевые решения старой оперы или бульварных романов. То, что спешные послания приходят очень редко, а послания *Deus ex machina*¹⁴ еще реже, это обстоятельство не отменяет, как показал эффект Гитлера, старое направление взгляда. Даже собственно архаический миф пробуждения продолжает жить дальше, пусть даже в очень ослабленной аналогичной историко-компилятивной форме. Наполеон декорировал себя как возвратившийся Шарлемань¹⁵, Гитлера (если вообще можно говорить про него в таком же духе) тянет к могиле Генриха Льва¹⁶ и пробуждает тем самым ассоциации будущей «инкарнации». Нет никакого сомнения в том, что у нацистов с самого начала было задумано заменить переносимый титул вождя (*Fuehrer*) при пусть даже

¹¹ *Vivit, non vivit* (лат.) — живет, не живет. — Прим. пер.

¹² Эльба и Святая Елена — острова, места первой и последней ссылки Наполеона. — Прим. пер.

¹³ «Трехгрошовой опера» — пьеса Бертольда Брехта на музыку Курта Вайля. Премьера состоялась 31 августа 1928 года в Берлине. В конце пьесы появляется некий верховой королевский посыльный и объявляет, что главный герой — Мэкки-нож — будет не только помилован, но и возведен в дворянство. — Прим. пер.

¹⁴ *Deus ex machina* (лат. бог из машины) — выражение, означающее неожиданную, не вытекающую из хода событий развязку в драме, романе и обыденной жизни.

¹⁵ Шарлемань — Карл Великий, в изначальном написании Charles le Magne, затем возникло слитное написание Charlemagne. — Прим. пер.

¹⁶ Генрих Лев (Heinrich der Loewe, 1129–1195) — монарх из династии Вельфов, герцог Саксонии (1142–1180) и Баварии (1156–1180). Похоронен в Брауншвейгском соборе. Примечательно, что Гитлер приезжал на раскопки саркофага Генриха Льва 17 июля 1935 года. — Прим. пер.

половинчатой триумфальной возможности на титул народного кайзера; однако эта возможность не наступила. Все же старое видение (Vision) Спасителя много раз помогало нацистам и, тем более, определяющее видение *Третьего рейха*.

Посюстороннее Евангелие

Люди часто видят счастье там, где его нет. Еда, жилище, любовь — таковы простейшие места для него, тут мало что изменилось. С тех пор как появились классы и два сорта людей, счастье для угнетаемых людей зачало или совсем исчезло. Там, где многое отсутствует, есть много желаний, много упоения в картинах желания, особенно религиозных. Но здесь упоение появляется в двойном образе (Gestalt): один образ — утешающий при нищете, другой, напротив, возбуждающий. Так обнаруживаются религии, разряжающие напряжение, утешающие через Потустороннее (Jenseits) или через бегство во Внутреннее (Inwendigkeit)¹⁷; христианство многого достигло в этих двух направлениях.

Однако когда потустороннее хочет обрушиться на землю, а внутреннее перейти во внешнее, тогда, вероятно, вместо опиума в субъективном факторе возникает взрывное средство, воля к небесам на земле. И это воление тоже было в христианстве, было в средневековых пророчествах упомянутого аббата Иоахима Флорского, который в конце XII столетия провозгласил Третий Завет или подлежащий исполнению Второй Завет. Здесь не надо утомлять тем обстоятельством, что подобным образом произведенное революционное упоение было абстрактным и мифологическим; что оно не открывало глаза на действительность и не могло иметь таких глаз; что оно приводило в движение лишь субъективную волю к изменению мира, но не конкретный метод такого изменения.

Хотя сама эта воля была основательна, а мечта о Третьем рейхе яростно и зажигательно дошла вплоть до движения гуситов, до крестьянских войн. Важно спуститься в подвал столь адски злоупотребленного термина; изначально он меньше всего являлся пыточной камерой (он содержит гораздо больше заряда любви). А фундаменты этой мечты простираются вплоть до *Эриугены*¹⁸, вплоть до его учения о трояком понимании христианских свидетельств — телесного, душевного, духовного. Телесное понимание есть буквальное, душевное — морально-аллегорическое, духовное открывает «вечное Евангелие», подразумеваемое в свитках Священного Писания. Учение о трех стадиях познания возвращается в чисто созерцательном виде

¹⁷ «Внутреннее» — здесь: синоним «внутреннего человека» у Платона и Августина. Одно из важнейших понятий христианской антропологии, разумная часть души, позже образ Бога в душе. — *Прим. пер.*

¹⁸ Иоанн Скот Эриугена (ок. 810–877) — ирландский философ, богослов, поэт и переводчик, крупнейший мыслитель Каролингского возрождения. — *Прим. пер.*

в XII столетии у Ришара Сен-Викторского и Гуго Сен-Викторского¹⁹, современников Иоахима, крупного психолога внутреннего смысла. Здесь плотское понимание выступает как *cogitatio*, или выявление телесного мира; душевное как *meditatio*, или выявление внутреннего мира, духовное как *contemplatio*, или поднятие до *visio beatifica Dei* (видение блаженного Бога), даже до обожествления человека. Сен-викторианцы задавали таким образом священную историю, мистический роман развития о ступенях и царствах, можно почти сказать: первую феноменологию духа, однако порядок ступеней оставался делом отдельного индивида. И последняя ступень не возникала, последнее царство (*Reich*) не находилось в утопическом рождении, а было уже готово вместе со своим объектом во все времена.

Вероятно, *Иоахим Флорский* знал сен-викторианцев и исходил из них, как и из Эриугены; однако он замечательно отказался от идеи обоих о простом Внутреннем (*Inwendigkeit*). Он превратил троичность позиций из индивидуально-педагогической последовательности следствия в троичность шагающего вперед, неготового человечества. То, что в мистике было движением души по ступеням, когерентным переходом из одного душевного состояния в другое, было спроецировано Иоахимом на весь процесс движения человечества; так выглядит движение по ступеням *истории* через степени духовного совершенствования; и эти степени достижимы не отдельными людьми, а только целыми эпохами [*Grundmann 1927, S. 131*].

Это утверждение Иоахим высказал первым, хотя позднейшие последователи его учения, а также некоторые его современники, приводили в качестве свидетельства крупного пантеистического материалиста Амальрика из Бены (около 1200)²⁰. Амальрик также задавал степени просветления не как индивидуально достижимые, а как исторические: Отец стал человеком благодаря Аврааму, открылся в Ветхом Завете, Сын стал человеком благодаря Христу, открылся через Новый Завет, но сейчас предстоит эпоха Духа, и христианское таинство должно исчезнуть, как исчез иудейский закон. Однако из сохранившихся источников нет решающих доказательств, что Амальрик действительно учил об этой исторической последовательности. Учение не согласуется также с антихристианским пафосом Амальрика, что в законе и таинстве следует видеть не предыдущие ступени, а только ложь. Так что учение о сроках

¹⁹ Ришар Сен-Викторский (ок. 1110–1173) — французский философ, теолог, ученик Гуго Сен-Викторского, приор монастыря Святого Виктора в Париже, преподаватель Сен-Викторской богословской школы. Гуго Сен-Викторский (1096–1141) — философ и богослов, известнейший представитель Сен-Викторской богословской школы, один из наиболее ярких спекулятивных мистиков Средневековья. — *Прим. пер.*

²⁰ Амальрик из Бена (Амори Шартрский, сер. XII века — между 1205 и 1207) — французский философ-мистик и теолог. Преподавал в Парижском университете, имел большое количество учеников. — *Прим. пер.*

аутентично исходит только от Иоахима, и с его именем, из его трудов, прежде всего оно продолжало действовать в будущем.

Итак, три раза вспыхивает свет, и он горит все точнее. И вот это учение Иоахима о третьей эпохе (Status), третьем рейхе. Первая эпоха была эпохой рабства закона, закона Отца и его Ветхого Завета, мирян и женатых людей. Вторая эпоха — это среднее состояние между плотью и духом, она была открыта Сыном и его Новым Заветом при господстве церкви и ее клириков. Но третья эпоха, предшествующая концу света, зарождается сейчас; она обжита монахами, *viri spirituales*²¹, «свободой духа». Буква Евангелия Христа с его церковью и клириками пройдет, изначальная христианская община спустится с небес на землю, начнутся коммунистическое братство и царство мира.

Первая эпоха была эпохой «страха и сказания», вторая — эпохой «исследования и мудрости», но третья будет эпохой «любви и просветления», тотальным праздником Троицы, «излиянием Святого Духа». Первая эпоха находилась в ночи звезд, вторая — в утренней заре, третья — это полдень, со Святым духом не от Бога-Отца, а от Сына человеческого [Joachim Concordia 5, Cap. 77]²².

Как бы чужеродно не могли звучать эти категории для сегодняшнего революционера (еще более чуждо, чем упомянутые в предыдущем отрывке праздники рождения кайзера), столь же мало следует их бояться, а скорее следует замечать и отмечать голод по счастью и свободе, картины свободы в мечтах бесправных людей. Социализм имеет великолепную фантастическую традицию: если на ранних стадиях ему не хватает, что естественно, экономического взгляда, то хватает другой основной черты — гуманности и связанной с ним адвентским взглядом²³. В духе Иоахима предложение: «Украшают алтари, а бедняк бродит в горьком голоде»; в его же духе отрицание «боязни господ». Даже грядущая «эпоха монахов» задумана не столько как аскетичная, сколько как лишенная собственности и братская, как всеобщий монастырский уравнилельный коммунизм.

Да, монашеские пророчества в школе Иоахима (он основал свой собственный орден) были окрашены посюсторонностью «тысячелетнего рейха», превратив духовную суровость в радость жизни и всего тела. Такой же смысл провозглашал Телесфор из Козенцы²⁴ в конце XIV столетия: Бог потому стал человеком, чтобы весь человек в себе был счастлив, и не только внутренний

²¹ *Viri spirituales* (лат.) — духовными мужами. — Прим. пер.

²² Так в оригинале. Э. Блох писал свою статью для популярного журнала, поэтому у него нет никаких библиографических ссылок. Посмотреть текст Флорского более подробно можно по изданию: [Joachim von Fiore 1964]. — Прим. пер.

²³ Адвент (лат. пришествие) — период предрождественского поста начинается у католиков и протестантов в воскресенье за четыре недели до Рождества. — Прим. пер.

²⁴ Телесфор из Козенцы — имя, принятое одним из псевдопророков во время западного раскола (XIV в.). — Прим. пер.

человек, но и «все глаза, уши, уста, руки, ноги, печени, почки», короче говоря, время совершенства вместе с духовным должно родить также и всеобщее земное счастье. Гораздо более по-земному, чем францисканская молитва брату Солнце, звучит у Телесфора иоахимский мотив: «O vita vitalis, dulcis et amabilis, semper memorabilis»²⁵.

Если этот напев иоахимского движения пелся у колыбели, так сказать, латентно, то как минимум близость к новому земному-духовному воплощению и счастливому жизненному пути у Иоахима полностью манифестирована: дорога от *servitus legis*²⁶ до *libertas amicorum*²⁷ проходит в этом мире. Такова, собственно, смелость Иоахима: он направил взгляды, фиксированные на потустороннем, на земное время будущего и ожидает свой идеал не на небе, а на земле. Он провозгласил свободу новых *viri spirituales* не как свободу от мира, а для нового мира. И если он поставил землю под строгие христианские требования, если он прорвал дряблое учение о двух мирах дряблого католицизма, если он не знал (*nicht kannte*) религиозно-индифферентную культуру в третьем царстве (*Reich*) и уже не признавал ее во втором царстве (*nicht anerkannte*), то только для того, чтобы поглотить потусторонний мир, а слово любви обрело бы здесь плоть: царство Христа — царство этого мира, *поскольку этот мир стал новым*.

Такова действующая дальше вплоть до Крестьянской войны революционно влияющая смелость Иоахима и субстанция его мыслительного мира. Следует при этом заметить, что Иоахим достаточно сделал для высшего поэтического судьи своего времени: Данте поместил его, как «провидца», в солнечную сферу рая, к Святым познания.

Иоахим перегруппировал не только мистическое учение о ступенях познания, но и их последнее содержание таким образом, что вложил его не в отношения посюстороннего-потустороннего миров, а в картину истории, где небо спускается к земле, становится ближе. Точно так же в его время по-революционному действовал исходящий от Иоахима «Спиритуализм», то есть изложение библии (буквы) соразмерно «внутренне побуждающему духу». *Nemo audit verbum nisi spiritu intus docente*²⁸ — это основное ортодоксальное положение иоахимитами, как первыми экзальтированными мечтателями, было преодолено, так как Писание, устное и традиционное, было передано на усмотрение толкованию «внутренним словом». Поскольку это усмотрение было в действительности никаким, то духовный свет побуждал тогдашних спиритуалистов ориентироваться *исключительно на импульс и содержание*

²⁵ Блох расшифровывает эту латинскую фразу так: «О живая жизнь, сладкая и достойная любви, всегда важная для памяти». — *Прим. пер.*

²⁶ *Servitus legis* (лат.) — закон о рабстве. — *Прим. пер.*

²⁷ *Libertas amicorum* (лат.) — «свобода, друзья мои». — *Прим. пер.*

²⁸ «Никто не слышит слова, кроме духа внутри учителя» (лат.). — *Прим. пер.*

желаний революции. Как *viri spirituales*²⁹ представлялись в виде жителей коммунистической эпохи, так и внутреннее слово было «ключом Давида», открывающим в Библии «откровения свободы детей божьих» и блокирующим все препятствия к получению этого откровения.

Христианство с точки зрения экономической отличалось от всех остальных религий тем, что началось как идеология угнетенных; это мятежное начало, несмотря на его быстрое перенаправление во Внутреннее, его последующее сокрытие и переворачивание церковью, никогда больше не исчезало из этого мира. Даже мысль Иоахима о Третьей эпохе и рейхе оставалась среди еретиков неизвращенной и смогла быть цитируемой Лессингом в воспоминании о мечтателях XIII столетия.

«Воспитание человеческого рода» Лессинга привнесло в Просвещение и его толерантность иоахимитское учение о стадиях. «Элементарная книга» христианства освоена, приходит черед метарелигии разума. «Берегись, одаренный мальчик! — предостерегает Лессинг. — Дойдя до последней страницы книги, ты рвешься вперед и горишь нетерпением, — берегись, не дай заметить другим, более слабым ученикам, что ты предчувствуешь или уже начинаешь различать. Оно обязательно придет, время нового вечного Евангелия, обещанного нам в книгах Нового Завета. Быть может, некоторые мечтатели XIII–XIV вв. уже узрели луч этого нового вечного Евангелия и ошиблись лишь в том, что возвестили о нем слишком рано. Быть может, их мысль о трех мировых состояниях и не была пустой выдумкой; и уж во всяком случае они не имели дурных намерений, когда учили, что Новый завет устареет так же, как устарел Ветхий завет. И у них всегда выступают те же предначертания Бога. Всегда, — если перевести их мысли на мой язык, — тот же замысел общего воспитания человеческого рода. Все дело в том, что они поторопились; что они считали возможным сразу, без предварительного пояснения, без подготовки, превратить своих едва вышедших из поры детства современников в мужей, достойных третьего мирового состояния».

Из этих удивительных слов видно: еще немецкое Просвещение умело — в своей самой смелой и умной голове — обслуживать старое тройное деление, «снятие» христианства почти в гегелевском двойном смысле: как уничтожение и одновременно сохранение. Патриархальное время было гусеницей, церковное время — куколкой разума, а сейчас приветствуется буржуазная революция как бабочка. Деление истории на стадии, согласно Ветхому и Новому Завету, очевидно, было самым древним, однако оно наиболее далеко от действительной исторической последовательности, череды классовых обществ; но именно конец, третья эпоха, предлагала то же самое состояние гуманности в тумане и всеобщности, к которому хочет, с уточнением, направиться солнечная

²⁹ *Viri spirituales* (лат.) — духовные мужи. — Прим. пер.

социалистическая революция. Поэтому неудивительно, что мысль о Третьем рейхе — еще столь сильная у Лессинга — затухает с победой буржуазии или появляется спорадически и остается непонятой.

Так это у Шеллинга³⁰, в его зрелом творчестве, в часто реакционных лекциях о «философии откровения»; иоакимитская традиция, еще столь живая у Лессинга, здесь уже обрезается так, что остается только воспоминание о схеме, но не о содержании последовательности ступеней. Лишь эпохи — не общечеловеческие, а церковной истории (далее «потенци в боге») делятся Шеллингом на три царства (рейха). Петр, или католицизм — знак царства Отца, Павел, или протестантизм — знак следующего за ним царства Сына, Иоанн написал свое Евангелие для духовной церкви будущего. (Сам Шеллинг признается в лекциях, что только позже открыл «совпадение» с Иоахимом Флорским этих чисто теологических, даже гностически толкуемых следствий.)

Удивительным образом Третий рейх появляется потом у *Ибсена* в его драме «Кесарь и галилеянин»³¹, снова связанный с неким видом гуманности, с затактом позднебуржуазной «эмансипации», воплощенной в югендстиле. Бледно, но все же нашептывая, здесь возникает символика «трех краеугольных камней необходимости»: первый скорее Античность, чем Ветхий Завет, второй — христианство, третий — синтез обоих, взаимопроникновение «красоты и истины». Кайзер Юлиан должен привести этот третий, должен появиться Третий рейх «радостных благородных людей» — такова особенно старательная надежда при взгляде на современную Германию, на Штрайхера³², на благородных людей — Гитлера, Геринга, Геббельса — «настоящего» синтеза истины и красоты.

Однако, что не следует забывать, нацисты литературно овладели термином «Третий рейх», и не через Ибсена, а через Достоевского. Через экзотический мужской парфюм, который Мёллер ван ден Брук, издатель немецкого Достоевского — полуцаристского, полупророческого — выжал из последнего. Мёллер назвал свою книгу просто — «Третий рейх», она стала «главным трудом» нацизма и повлияла значительно сильнее на «элиту движения», чем стиливые упражнения Гитлера и компиляция Розенберга. «Африка подбирается» — вот вероятная боязнь Мёллера; напротив, он разыгрывает карту Пруссии-Германии, известную как «социализм прусского стиля». Своеобразное

³⁰ Фридрих Вильгельм Йозеф фон Шеллинг (нем. Friedrich Wilhelm Joseph von Schelling (1775–1854) — выдающийся немецкий философ-идеалист. — *Прим. пер.*

³¹ Генрик Ибсен (1828–1906) — норвежский драматург, поэт, публицист, основатель европейской «новой драмы». Пьеса «Кесарь и галилеянин» написана в 1873 году. — *Прим. пер.*

³² Юлиус Штрайхер (Julius Streicher; 1885–1946) — гауляйтер Франконии, главный редактор антисемитской и антикоммунистической газеты «Штурмовик» («Der Stürmer»), проявил себя как активный идеолог расизма. Казнен в 1946 году по приговору Нюрнбергского трибунала за антисемитскую пропаганду и призывы к геноциду. — *Прим. пер.*

соединение, которое Достоевский установил между своими неовизантийскими спекуляциями и «присутствием святого Духа» (соединившихся в «русском народе-богоносце»), — этот антивольтеровский мир был перенесен Мёллером на Германию, на Германию монополистического капитала, начинавшегося кризиса и революции.

Так снова появляется «Третий рейх», но насколько он стал другим — по сравнению с рейхом Иоахима и Лессинга! Раскаленная тьма упала на страну, ночь, полная крови и сатаны. Такой стала «действительность» старых мечтаний о любви и духе, там — «рациональное Евангелие» Лессинга, здесь — «Моя борьба» Гитлера. Нацизм уникально мобилизовал как экономическую неопределенность, так и еще действенную картину надежды, хилиастскую картину прежних революций. Вероятно, *хилиазм* — это последний лозунг, который следует обсуждать; учение о *Тысячелетнем рейхе* было, как говорил Лютер, «мешком с фокусами всех ловкачей». Во времена Лютера хилиазм был боевым кличем восставших крестьян, в наступившем сегодня «Третьем рейхе» он одурманил жертв реакции своим полностью замаранным, извращенным видом.

Хилиазм, или Земля как рай³³

Никогда желание счастья не размещалось в пустом и полностью новом будущем. Всегда нужно было изготовить лучшее прошлое, но не только что прошедшее, а прекрасное, созданное в мечтах доисторическое время. И эта золотая эпоха должна была быть не только обновлена, но и превзойдена еще более безымянным счастьем. В этих мечтах о золотом веке легко узнать воспоминания о пракоммуне, особенно тогда, когда ее остатки — как альменда³⁴, свобода охоты и рыбной ловли — поддерживают революционную похвалу правремени. Это было отчетливо видно во время крестьянских войн: требование старой «общинной свободы» противостояло желанию парцелляции³⁵ отдельных групп и усиливало лозунг Мюнцера: «omnia sint communia»³⁶.

Естественно, что картина золотого века не воспроизводила никакого реального начала истории, никакой праисторической действительности: уже потому, что пракоммуна с ее неразвитыми производительными силами не могла быть такой райской. Однако надежда изначально имела в свободе, равенстве, братстве свою первую опору (Anhalt) и содержание (Inhalt). Надежда превзошла

³³ Хилиазм — одно из основных понятий в христианстве, основанное на буквальном толковании пророчества Иоанна Богослова (Откр 20:1–4) о тысячелетнем периоде царствования праведников во главе с Христом, периоде торжества правды Бога на земле. — Прим. пер.

³⁴ Альменда — земельные угодья, находящиеся в общинной собственности. — Прим. пер.

³⁵ Парцелляция — здесь: разбиение земельного участка на более мелкие участки (парцеллы). — Прим. пер.

³⁶ Omnia sunt communia (лат.) — все общее. — Прим. пер.

их с помощью утопии, направленной назад, но она должна была происходить из будущего, из будущего восстановленного рая. С этого начинается миф о тысячелетнем царстве (рейхе), о конечном счастливом времени, к которому стремится история, более того — которое история уже считает «справедливым». Сам миф возник из взаимодействия между экономически-политической нищетой и блестящими воспоминаниями о прошлом, которое — с утопическим, а не только романтическим, страстным желанием счастья — должно перебросить мост в возможно ближайшее время.

Эсхатологические представления пророческого иудаизма перед изгнанием и особенно после изгнания высвободили утопии истории: с Востока они пропутешествовали в имперский Рим задолго до победы христианства и распространили там надежду о возвращающемся золотом Эоне³⁷. Если судить о тысячелетнем царстве — этом *старом фоне* Третьего рейха — более точно, то все его содержание происходит из пророчества Исайи, глав 30, 55, 60, его хронологии из книги Даниила, главы 7, борьбы ночи и света при его наступлении из Откровения Иоанна, главы 20 и 21. Дикие персидские дуализмы перемешались в описании конечного времени: дракон, старый змей будет закован тысячу лет и заперт в подземелье, праведники воскреснут из мертвых и будут править с Христом тысячу лет — это первое воскрешение. Однако когда тысяча лет пройдет, Сатана снова освободится и поведет язычников, народы Гога и Магога к последнему спору. Время последних мучений и смятения будет царить до тех пор, пока огонь божий не упадет с небес на врагов, не наступит день Страшного суда и ад будет уготован для грешников, а новое небо и новая земля — для избранных; таково второе воскрешение. Неистовая педантичность этих пророчеств занимала умы всех революционных движений христианства, вплоть до Просвещения; еще сегодня она обнаруживается у так называемых «Серьезных исследователей Библии»³⁸, запрещенных Гитлером.

Если на кошмары спасения можно обращать внимание, по сути, только исторически, то иначе обстоит дело с *содержанием* последнего царства, особенно в том образе, который ему придал Исаия. Ибо это содержание удивляет, при всей его отсталости, не только разумной чистотой, но гораздо больше гедонизмом, чтобы не сказать — своим гуманным материализмом. Сравнивают следующие предложения из глав Исайи, касающиеся счастливого последнего времени: «И Он даст дождь на семя твое, которым засеешь поле, и хлеб, плод земли, и он будет обилен и сочен; стада твои в тот день будут пастись на обширных пастбищах... Послушайте, кто жаждет — к воде идите, даже те, у кого

³⁷ Эон — понятие в древнегреческой философии, обозначающее течение жизни человека, жизненный путь. — *Прим. пер.*

³⁸ «Серьезные исследователи Библии» — германские последователи «Движения исследователей Библии», нетринитарного христианского движения, основанного Ч. Т. Расселом в США в XIX веке. — *Прим. пер.*

нет денег! Идите, покупайте пищу, ешьте! Подходите, берите вино и молоко, не за деньги — даром... Вместо бронзы дам тебе золото, вместо железа — серебро, дерево на бронзу заменю и камень — на железо; воцарится мир у тебя, праведность главенствовать будет... — *От малого тысяча произойдет, из племени слабого — великий народ...*» [Исаия 2022, 30:23, 55:1, 60:17, 22].

Таков Исаия, таково примитивно-социалистическое содержание союза между богом, человеком, зверем и всем наличным бытием, о котором мечтают. Все последующие оттенки тысячелетнего царства в теологии различных сект следуют Исае. В них предсказывают долгую жизнь, грех и смерть ослабели, пашня приносит плодов больше в тысячу раз, пустыня превратилась во фруктовый сад, а вся природа в дом человека, существование, подобное божественному, начинается в безвинности, мире и всепроникающей радости. И здесь настолько видны утешения и фантазирования, настолько явно проступает в этих образах классово-враждебное еретичество, что это должно было означать масштаб, который они прикладывали к христианской церкви и даже к христианскому государству. Хилиастические посясторонние надежды были ожидаемо скоро отвергнуты официальным церковным учением, энергичнее всего *Августином*: огонь был притушен, масштаб десоциализирован. Ибо после Августина тысячелетнее царство начинается с Иисусом: то, что человек признается спасителем, это уже первое воскрешение. Царство, в котором правят восставшие праведники вместе с Иисусом, — это единственная церковная община верующих, земное государство бога, *civitas Dei terrena*. Второе воскрешение и Страшный суд, соответственно, не имеют никакого значения для истории человечества, а только для отдельных душ — царством божьим на земле есть и останется расширяющаяся церковь.

...Как церковный мыслитель и как философ христианского «внутреннего человека» Августин замечает в исторических государственных образованиях, включая Рим, только общину (*Gemeinschaft*) проклятых, разделенных рознью. Это только история мира, а именно постепенно обостряющееся разделение между царством грешников и помилованных. Однако история спасения — это не история мира, а только индивидуальная, точно так же будущее — это будущее только индивидуальной потусторонности. Августин имел полное основание для такого отречения от тысячелетнего царства, ибо хилиазм в ранней церкви не был погашен. Уже во II веке нашей эры против «обмирщенной церкви» выступил «пророк», дервиш Монтан³⁹, основавший прахристианскую общину, которая, будучи отделена от мира, должна была готовиться к пришествию высшего Иерусалима. Во II веке беспокойно-строгий монтизм

³⁹ Монтан — основатель религиозного движения (ереси) монтизма в христианстве во II веке н. э. — *Прим. пер.*

победно шествовал по миру; только в конце IV века хилиазм пришел в упадок и с этого времени считался исключительно еретичеством.

Однако именно через хилиазм церковно запрещенная мечта обращалась к мятежникам. Она манила вперед вдвойне, а отрицание со стороны господ усиливало ее влияние. То, что фантазии о тысячелетнем царстве (Reich) на земле, о Новом Иерусалиме, не были выжжены, несмотря на победу церкви, то, что они в союзе с социальной нищетой двигались, подстегивая, все дальше, это показали намного позже социально-революционные эпохи, Мюнцер-анабаптист (Wiedertaeufer), но, прежде всего, Табор гуситов⁴⁰. Движение гуситов ознаменовало первую эпоху героев коммунистической (коммунистически подразумеваемой) революции; в ее идеологической сути находился хилиазм, как учитель о возможном здесь-бытии (Diesseits) там-бытия (Jenseits). Его табориты-проповедники провозглашали — совсем в духе Исайи — сионское царство свободы и равенства для «праведников», для возвращающихся в райское положение невинных. Только с этой надеждой и был основан Табор — Новый Иерусалим, где христианский коммунизм любви должен был обновить праобщину: никаких сословий, господства, никакой особой собственности, никаких налогов; демократическая общность под Богом как мистическим королем. Известно, что сектантская политика этих времен не принесла никакой райской безвинности, а развивала мануфактуру и поставляла идеологию для самых чистых форм капитализма (Англия, Америка). Материальная логика тогдашних производительных сил была сильнее первобытной христианской моральной воли и апокалиптически-революционного накала ложного сознания. И все же движение гуситов и крещенцев⁴¹ вообще не началось бы, если бы хилиазм не разжег его идеологически, если бы он не добавил к субъективной уверенности революции ее кажущуюся объективную достоверность.

Хилиазм (как и вообще астрологические предсказания позднего Средневековья о «необходимом» повороте времени) представлял, так сказать, науку о революции, а именно науку о ее объективности и неотвратимости; время понималось не только как субъективно, но и как объективно созревшее для революции, революция стояла на «повестке дня», небесные часы Страшного суда уже начали отсчет. Поощрение мятежной воли посредством таких отражений и сцеплений с действительностью не может быть переоценено и ясно, что не хилиазм препятствовал экономическому сознанию, конкретному овладению действительностью. Он не стоял у этого сознания на пути (как знахарь стоит на пути врача и препятствует своевременному вмешательству в болезнь), наоборот: тогда по чисто экономическим причинам не существовало никакого

⁴⁰ Гора Табор — место в Южной Богемии, где был основан первоначальный лагерь гуситов. — *Прим. пер.*

⁴¹ Крещенцы (*нем.* Täufer) — перекрещенцы, или анабаптисты. — *Прим. пер.*

экономического сознания, и, если бы не было хилизма, то не было бы и никакого революционного сознания, следовательно, вообще никакой революции. И не из-за хилизма революция сошла на нет или вылилась в мануфактурный период, даже в пуританский капитализм. Наоборот, хилизм — в рационализированном виде вплоть до Французской революции, если не дальше, — пламенно побуждал широкие массы к тому, чтобы они не мирились со своей тогдашней «судьбой», чтобы они начинали революционные действия для «прорыва рейха».

Малое или совсем отсутствующее согласование таких действий и целей с действительностью было очевидно. Возникли даже поздние хилизмы у Вейтлинга⁴² и Фурье⁴³, с марксистской точки зрения представлявшие собой курьезы. И это потому, что они в то время, когда экономическое сознание стало возможным, рассматривали современность и ближайшее будущее как белые пятна или неоткрытые участки земли; потому что они вместо львов, которыми старые картографы украшали белые пятна, рисовали буйную пальмовую растительность или другие абстракции чистой мечтательной фантазии. Все же фантастика может скрывать власть старых мечтаний или взрывную силу, которая все еще присуща им — для добра или для зла.

Взрывная сила была повсюду там, где предсказание действовало не ослабляюще, не как внутренне духовная мишура (Lametta) или созерцательное вранье, а возбуждающе, как потаенное добро, и ясно, как Шлараффенлянд⁴⁴. Однако это было до тех пор, пока не появился крысолов «в двенадцатом часу» и не повел в прекрасные времена, как и его предшественник, к войне. Никакие мечи не будут переплавлены Гитлером в серпы, а копыя — в плуги. Скорее наоборот: для этого новый тысячелетний рейх будет длиться многие тысячи лет, видимо, без Страшного суда. Огромная кровавая морда⁴⁵ осушает сосуд, полный будущим. Тысячелетний рейх, как Третий, осуществлен в Германии так же образцово, как и кайзер-мессия. Есть немецкий социализм, практикуемый несравненными *viri spirituales*; есть вексели Рейхсбанка на третье Евангелие, валюта царства божьего. Слова «и поставлю правителем твоим мир и надзирателями твоими — правду» [Исаия 2022, 60:17] кажутся еще не до конца осуществленными немецкой сверхрасой. И вообще, Третий рейх Гитлера имеет примерно столько же общего с мечтаемым рейхом Иоахима Флорского, сколько его «социализм» с царством свободы.

⁴² Вильгельм Вейтлинг (Wilhelm Weitling, 1808–1871) — немецкий философ-утопист, деятель немецкого рабочего движения, один из теоретиков немецкого социализма. — *Прим. пер.*

⁴³ Франсуа Мари Шарль Фурье (*фр.* François Marie Charles Fourier; 1772–1837) — французский философ, социолог, один из представителей утопического социализма, основатель системы фурьеризма. — *Прим. пер.*

⁴⁴ Schlaraffenland (*нем.*) — вымышленная земля в немецких сказках, где живут лентяи, букв.: страна ленивых обезьян. — *Прим. пер.*

⁴⁵ Maul (*нем.*) — груб.: морда, рыло. — *Прим. пер.*

Итог по одной части конкретно-утопической практики

Все течет, но каждый раз река вытекает из какого-то источника. Она забирает с собой из мест, по которым протекает, вещества, надолго окрашивающие воду. В каждой новой форме есть остатки старых веществ, между Сегодня и Вчера нет обязательной границы. Нет абсолютно новой работы, меньше всего в революционной ситуации: старое продолжается — просто яснее и доводится до успеха. Как оказалось, пренебрежение старыми путями и формами не остается безнаказанным. Особенно мечтания, самые свежие, имеют предысторию, которую несут с собой. У отсталых слоев этих остатков особенно много, и они часто уже заплесневели, однако и революционный класс чувствует своих предшественников и прислушивается к ним. Старые формы, когда их правильно подключают, частично помогают новым.

Но то, что они в высшей степени действительны, враг заметил лучше, чем друзья. Необходимо срочно... сделать что-то старое своим. Мягкая надменность, с которой Каутский смеялся над «героями» или «образцами апокалиптической мистики», теоретико-практически исчерпала себя. Даже такой абсурдный и выглядящий недемократически образ, как старая мечта о вожде (Fuehrer), (чтобы оставить без внимания «революционную» мечту о кайзере), представляется на практике не столь глупым. Революционные классы и люди, еще не определившиеся по отношению к революции, желают видеть во главе лицо, которое их увлекает за собой. Рулевого, которому они доверяют и курсу которого доверяют; работа на корабле тогда идет легче. Путешествие более надежно, когда не надо каждое мгновение сверять направление движения. Все это доказала практика, самая честная демократическая совесть; на марше должен быть авангард и его глава. Пока марш является еще в теории, он выглядит не так, как при практическом осуществлении. Коммунистический манифест не содержит ни слова о вождях или только между строк — вместе с бытием опубликовавших его авторов. Однако как только Манифест начал реализоваться, засветилось, наряду с отцами-основателями марксизма, имя Ленина, а появление Димитрова в Лейпциге помогло революции больше, чем тысяча агитаторов и референтов на собраниях. Такие человеческие дела как революция, нельзя проводить без видных людей, без образа действительных личностей (а не божеств). В бесклассовом обществе это, вероятно, будет излишним или полностью другим.

Многочисленные мечты старого времени, еще туманные, не являются надежными. Под их именем устанавливалась полная противоположность, но это была противоположность не тумана, а мечты. Поэтому нужно ли вообще отказываться от семени с кожурой или дело обстоит не так, что семена мечты, достаточно разработанные, опровергают ужасный фальсификат, который нацисты изготовили с помощью туманной кожуры? Вопрос важен с практической точки зрения, и он очень кстати возникает во времена начинающегося

германского Народного фронта, конкретнее: христианского антифашизма внутри Народного фронта. Незадолго до прихода Гитлера к власти в Берлине состоялась публичная дискуссия на тему «Рейх и крест», между полу- и почетным нацистом Хильшером (Hielscher), иезуитским священником Пшиварой (Przywara) и протестантским теологом Деном (Dehn). Ден, уже тогда преследовавшийся нацистами, констатировал, исходя из своих христианских предпосылок, что империалистический рейх нацистов «не соблюдает нигде идеи мира и справедливости»; да, он постольку выставлял против пустоты нацистского понятия рейха коммунистическое учение, поскольку в нем все же звучали отзвуки ожиданий истории спасения.

Для нацистского рейха не важно человеческое содержание, он приходит из темноты, обслуживающей эти инстинкты, и уходит обратно в темноту. В отличие от коммунистической идеи рейха, нельзя отделяться, согласно Дену, от такой «идеи» бесклассового общества, в которой значительно большую роль играет актуальное использование древнехристианских и теолого-еретических фиксаций. Таков Ден, таково нейтральное отношение, а возможно, и симпатия подобных людей к коммунизму. Как всегда, можно подправлять их «древнехристианское предназначение», однако здесь важнейший пункт соприкосновения христианского и коммунистического антифашизма.

Это обязанность коммунистической пропаганды (точнее, революционной традиции, которую пропаганда привела с собой), в этом месте посмотреть направо и скорректировать суеверное отвращение верующих перед «безбожным движением». Не задевая проблему атеизма, такая пропаганда имеет место среди протестантов (Bekennnischristen) и гуманных католиков. Многие предшественники социализма вышли из христианства; это соединяет обоих, сегодня это общий путь. Когда нынешняя религия выдохнется, более поздние времена будут легче соответствовать тому источнику энергии, который струился из «свободы детей божьих», помимо всяческих утешений и идеологии угнетения. Уже затрагивался вопрос о том, не сделал ли именно туман старые мечты столь полезными для коричневых. Несомненно, экономическое невежество нацистов облегчило им обман, несомненно, они в высшей степени демагогически использовали старые темные слова.

Однако гораздо важнее вопрос, не потому ли так легко прошло это использование, это злоупотребление, что настоящие революционеры не стояли здесь на страже? Экономическая неясность, мелкобуржуазная затхлость и туман мистицизма прекрасно идут рука об руку; одно стоит рядом с другим. Поэтому экономическая ясность и критика метафизической видимости не должны априори дезавуировать общий объем и содержимое (Inhalt) содержаний (Gehalte), характеризуемых как иррациональные. Это имело во времена Вольтера революционный смысл, но сегодня оно служит, как показал немецкий эффект, почти исключительно контрреволюции. Нет никакого реализма в этом механизме,

наоборот: крупные слои социальной, даже физической действительности исключаются посредством механической банальности. Времена такой ограниченности прошли, понимание — как и применение — марксизма приобретает все более полную предметность, все большую широту и глубину. Однако одновременно — и это важно подчеркнуть уже сейчас, на пороге перемен, — достигнутая широта и глубина выправляют иррациональную бледность гораздо более основательно и познавательно, чем когда-то пустое просветительство.

Да, должно было случиться невероятное, что... мистицизм снова нас настигает, но тогда знание глубины и ширины должно стать во главе оппозиции, оппозиции против мистицизма. Ибо мистическая банальность ни на волос не лучше, но на целую гриву отвратительнее, чем рациональная; мистицизм — это невежественная карикатура на глубину; так же как пустое просветительство было... карикатурой на ясность. Разум был и остается инструментом действительности, тот конкретно-материалистический разум, который *соответствует целому действительности, а следовательно, и его сложным и полным фантазии составным частям*. Согласно разуму, правильное понятие знает, что тяжелое движение мира, многие неразрешенности его прошлого, еще не появившиеся горизонты его будущего — все эти составные моменты реально-диалектической тенденции не представляются существенными и объективными для просвещения на уровне реальной школы и столь же малы для мистики Мартина Бубера⁴⁶ или Кайзерлинга⁴⁷. Основательный философский, то есть действительно марксистский разум направляет и поправляет себя в одном и том же акте, как и его противоположность: легкомыслие, мистицизм. Этим живут нацисты, но они смогли только потому так беспрепятственно обманывать с помощью мистицизма, что слишком абстрактные (и именно поэтому отставшие) левые недостаточно подпитывали фантазию масс. Они почти упустили мир фантазии без учета его очень разных личностных моментов, методов и предметов, если заострить эту мысль: без правильного различения между мистиком Экхартом и «мистиком» Хануссеном⁴⁸ или Вайсенбергом⁴⁹. Это постоянное различие между гаданием на кофейной гуще и пророчеством Мейстера Экхарт, в «Проповеди о рождении» («*Sermon von der Geburt*») о скрытом величии человека: «Я ощущаю в себе нечто, что сияет в моем разуме, я вполне ощущаю, что это

⁴⁶ Мартин Бубер (Martin Buber, 1878–1965 — еврейский экзистенциальный философ, близкий к иудейскому религиозному анархизму. — *Прим. пер.*

⁴⁷ Герман Александр фон Кайзерлинг (Hermann Alexander Graf Keyserling, 1880–1946) — немецкий философ и писатель. — *Прим. пер.*

⁴⁸ Эрик Ян Хануссен (Hanussen, 1889–1933) — австрийский артист цирка, трюкач, ясновидящий. — *Прим. пер.*

⁴⁹ Иоганн Август Йозеф Вайсенберг (Weissenberg, 1855–1941) — немецкий религиозный и церковный реформатор, строитель Города мира (1920). В 1926 году основал «Евангелическо-Иоаннскую Церковь после Откровения Св. Иоанна». — *Прим. пер.*

есть нечто, а что это, я не могу постичь; но мне кажется, что если бы я постиг это, я узнал бы всю истину!» Это то же самое *человеческое чувство величия*, которое сделало Томаса Мюнцера — ученика Экхарта, Таулера⁵⁰, Сузо⁵¹ — идеологом Крестьянской войны, которое заставляло протестовать, несмотря на голод и цингу, против таких отношений, в которых человек стал, по словам Маркса, угнетенным, презираемым, пропавшим существом.

Немецкая мистика Средневековья с ее любительской проповедью, ее практическим христианством, ее использованием «Откровения свободы детей божьих» происходила из ранних революционных движений бюргерства. А имевшийся туман не был туманом *всего содержания*; в последнем было гораздо больше целеполагающего света, такого, что Мюнцер, наоборот, в функциональном созвучии своего мятежа и своего христианства сказал в «Многопричинном мятеже» («Hochverursachte Aufruhr»): «Насколько иначе должно быть поправлено христианство, настолько одержимые ростовщицеством злодеи должны быть убраны». Таким образом: туман не является одним и тем же в старых мечтах (будь то политически-хилиастские, будь то только по видимости индивидуальные мечты мистического разбивания рабства, появление сына человеческого, нагружения имманентным величием). Как ни парадоксально это звучит, но большая часть революционной гордости появилась на свет через немецкую мистику, а христианско-гуманная утопия исполняла прелюдию.

Следует и дальше различать туман и свет, а свет тоже поправляет сам себя. Это особенно относится к дальнейшим последствиям утопических мечтаний, к сужению, которое они нашли в так называемых сказках о государстве (Staatsmaerchen) Нового времени. Они простираются от Томаса Мора до Вейтлинга, чтобы после Маркса быть серьезно притушенными: их погасила наука. Более половины в этой конструктивной форме утопии — субъективное всезнание (Besserwissen), недиалектический постулат, мифологическое перенесение неосознанного классового интереса в «конец света» или вообще в «далекую страну». Однако двигатель, как и фон, этих образований является другим, нежели оболочка, в которую они одеты.

Отсюда следует, что насколько четко установлены недостатки абстрактной сущности, насколько социализм экономически прогрессировал от такого рода утопии к науке, настолько же мало может быть перепутано семя с кожурой и настолько же мало эта последняя может уничтожить семя. Ленин выработал

⁵⁰ Иоганн Таулер (Johannes Tauler, 1300–1361) — немецкий христианский мистик и проповедник. — *Прим. пер.*

⁵¹ Генрих Сузо (Heinrich (von) Suso, 1295–1366) — немецкий поэт и писатель, богослов-мистик. Ученик Мейстера Экхарта. — *Прим. пер.*

в понятии *идеологии* хорошее ядро, ядро без тумана и обмана, и он заострил на нем внимание, назвав социализм идеологией рабочего класса.

Точно так же подлежит спасению хорошее ядро *утопии* (как понятия, лежавшего по большей части в тумане, но никогда не в обмане); это спасение — *конкретно-диалектическая, живая утопия марксизма, схваченная в действительной тенденции*. Не диалектически преподнесенное мечтательство было туманом, и в тумане лежали — хотя и с различиями — все желаемые времена и желаемые пространства старых утопий. Фантазмагории, проецировавшие страстное желание лучшего мира в будущих временах, на далеких островах или в недоступных долинах, содержали преимущественно соответствующие классовые содержания угнетенных классов (хотя и открытых для бесклассовых предчувствий).

Большинство старых утопий тихо находились в данной им действительно-сти, они убрали из нее флегму⁵² и дистиллировали из нее дух, но они не знали никакого *процесса* и никакой *тотальности* обновления. Напротив, *конкретная утопия марксизма* направлена вместе с процессом производительных сил лишь в тенденции к бесклассовому обществу. Так марксизм наталкивается, при тщательном опосредовании материальной тенденцией, на еще не Наступившее, еще не Осуществленное. Само счастье, имеющее в марксизме свою карьеру, не есть что-то уже существующее и щедро распределяемое, как «блаженство» в духовных утопиях или скука длящегося воскресенья в буржуазных утопиях.

Напротив, марксистская надежда здесь настолько продуктивна, что она не допускает простого мифологического переноса уже данного, пусть даже относительно лучшего данного. Марксизм учит, что все до сих пор преж-нее счастье находилось в простой предыстории, в лучшем случае в намеках на правое дело; он считает свое тут-бытие (*Diesseits*), свое телесное тут-бытие как открытым, так и еще не определенным. Но как раз это и есть настоящая утопия, и только она извлекает из государственных сказок, из мечтаний о цар-стве находящиеся там желания, гуманную фантазию. Эта утопия находится в тесной связи со всем, что было подлинным в старых утопиях, с продолжаю-щей зажигать мечтой. Она находится по ту сторону от субъективного постулата, от мифологического перенесения в даль готовых содержаний желания. Однако сама эта сфера не абсолютно отличается от сферы Иоахима Флорского, она не совсем покинута. Другими словами, по-марксистски ведущееся дело крити-кует *идеологию* непросматриваемой *необходимости*, видя ее насквозь и *уничто-жая*, однако видит насквозь и воплощает в жизнь *утопии* непросматриваемой *свободы*. Социалистическая революция отличается от предшествующих науч-ностью и конкретностью, пролетарским поручением и бесклассовой целью, но

⁵² Флегма (*хим.*) — промежуточный продукт (конденсат), получаемый в процессе фракционной перегонки жидкостей. — *Прим. пер.*

точно так же она основательно связана с ними посредством огня и гуманного содержания революционного побуждения интендированного царства свободы. Столь мало осуществленные мечты об этом царстве вторгаются, как и прежде, в современность, чтобы быть конкретно подправленными и осуществленными.

Список литературы

- Исаия 2022 — Книга пророка Исаии [Электронный ресурс] // Библия онлайн : Библия в синодальном, современном и других переводах. Симфония, словари, собрание толкований и комментариев. 2022. URL: <https://bible.by/verse/23/60/17> (дата обращения: 20.03.2022).
- Шерр 2005 — Шерр И. Германия. История цивилизации за 2000 лет : в 2 т. Т. 1 / пер. с нем. А. Неведомского, Д. Писарева. Минск : Минская фабрика цветной печати, 2005. 243 с.
- Bloch 1985 — Bloch E. Werkausgabe : in 16 Bdn. Bd. 4 : Erbschaft dieser Zeit. Frankfurt am Main : Suhrkamp Verlag, 1985. 415 S.
- Grundmann 1927 — Grundmann H. Studien ueber Joachim von Floris. Wiesbaden : Vieweg+Teubner Verlag, 1927. 212 S.
- Joachim von Fiore 1964 — Fiore J., von. Concordia novi ac veteris Testamenti / Facsim. of the 1st ed. published in Venice in 1519 by Simon de Luere. Frankfurt am Main : Minerva, 1964. 270 p.
- Kampers 1896 — Kampers F. Die deutsche Kaiseridee in Prophetie und Sage. Muenchen : H. Lueneburg, 1896. 231 S.
- Norden 1924 — Norden E. Die Geburt des Kindes: Geschichte einer religioesen Idee. Leipzig ; Berlin : B. G. Teubner, 1924. 179 S.

References

- Bloch, E. (1985), *Werkausgabe, in 16 Bdn., Bd. 4, Erbschaft dieser Zeit*, Suhrkamp Verlag, Frankfurt am Main, 415 S.
- Grundmann, H. (1927), *Studien ueber Joachim von Floris*, Vieweg+Teubner Verlag, Wiesbaden, 212 S.
- Kampers, F. (1896), *Die deutsche Kaiseridee in Prophetie und Sage*, H. Lueneburg, Muenchen, 1896, 231 S.
- Norden, E. (1924), *Die Geburt des Kindes: Geschichte einer religioesen Idee*, B. G. Teubner, Leipzig, Berlin, 179 S.
- Scherr, J. (2005), *Germania. Zwei Jahrtausende deutschen Lebens, in 2 vols, Vol. 1*, translated by Nevedomskii, A. and Pisarev, D., Minsk Color Printing Factory, Minsk, 243 p. (in Russian).
- “The Book of the Prophet Isaiah” (2022), *Bible online*, available at: <https://bible.by/verse/23/60/17> (accessed 20 March 2022).
- von Fiore, J. (1964), *Concordia novi ac veteris Testamenti*, Facsim. of the 1st ed. published in Venice in 1519 by Simon de Luere, Minerva, Frankfurt am Main, 270 p.

Перевод с немецкого С. Е. Вершинина

Рукопись поступила в редакцию / Received: 25.04.2022

Принята к публикации / Accepted: 16.05.2022